

Moisés Naím

Illicit

How Smugglers, Traffickers, and Copycats Are Hijacking the Global Economy

Doubleday Publishing, 2005, 253 pp., \$26.00 (hardcover).

ВЫСКАЗЫВАНИЕ о том, что глобализация имеет свои преимущества и недостатки, или, скажем так, активы и пассивы, уже превратилось в клише. В последние годы противники и сторонники глобализации дискутируют друг с другом на страницах научных работ, на конференциях и официальных встречах и даже вступают в уличные бои, где реальные или предполагаемые проблемы, создаваемые глобализацией, временами приводят к ожесточенным демонстрациям. Экономисты, политики и банкиры чаще всего защищают глобализацию. Лидеры профсоюзов, рабочие и некоторые представители интеллигенции критикуют ее.

Книга Мойзеса Наима во многом способствует пониманию проблем, связанных с глобализацией. Она является настоящим кладом информации — отчасти статистической, отчасти основанной на отдельных примерах или на субъективных ощущениях, — свидетельствующей о том, что в 1990-х годах и в первой половине текущего десятилетия различные незаконные или преступные виды деятельности приобрели глобальный характер и распространялись очень быстрыми темпами. По данным Интерпола, «объем торговли контрафактной продукцией увеличился в восемь раз больше, чем объем легальной торговли». Согласно другим источникам информации, отмывание денег составляет от 2 до 5 процентов глобального ВВП, а число рабов в XXI веке превышает их общую численность за четыре предыдущих столетия. Если это действительно так, эти цифры поражают.

Камила Андерсон — редактор «Книжного обозрения».

В 1990-х годах многие из незаконных видов деятельности перестали носить местный или национальный характер, превратившись в глобальные. Этой глобализации способствовали различные изменения, происходившие в мире. Некоторые из этих изменений, такие как распад Советского Союза, являлись политическими изменениями. Некоторые из них были техническими, например, снижение расходов, связанных с перемещением людей, денежных средств, товаров, а также с обменом информацией. Другие же были обусловлены новой политикой, например, открытием границ для товаров, капитала и в значительной степени даже для людей. Мы узнаем о том, что сегодня 170 миллионов человек живет за пределами стран, в которых они родились. И, конечно же, сотни миллионов людей ежегодно пересекают границы в качестве туристов, работников или по иным причинам.

Глобальная интеграция способствовала быстрому росту некоторых стран (Вьетнама, Индии, Китая). Вместе с тем она создала мировой рынок незаконной деятельности (деятельности, запрещенной правительствами), в то же время усилив стимулы для занятия такого рода деятельностью, причем важную роль в незаконном производстве и распространении товаров сыграла технология. Все это подробно описано в книге и является одним из ее наиболее убедительных аргументов. Наим утверждает, что границы между странами способствуют распространению незаконной деятельности, поскольку они служат одной из причин фрагментации цепи поставок, результатом которых является конечный незаконный продукт или услуга, и таким образом повышают прибыль, получаемую от незаконной деятельности. Кроме того, из-за такой фрагментации правительствам стран труднее наказывать тех, кто занимается незаконными поставками товаров или услуг.

Ликвидировать спрос, а не предложение

Правительства стран, особенно правительство США, пытаются бороться с незаконной деятельностью, принимая меры в отношении предложения, а не спроса. Наим считает, что такой подход не приносит желаемых результатов и вряд ли может быть успешным, независимо от объемов средств, расходуемых на эти цели США или другими странами. Он придерживается мнения, что бороться следует также со спросом.

Наиболее важным вкладом этой книги является представленная в ней подробная информация о незаконной деятельности. В частности, подробно расска-

зывается о таких видах преступной и незаконной деятельности, как торговля оружием, в том числе материалами для изготовления ядерного оружия; торговля наркотиками; современные разновидности рабства (торговля людьми); кража или несанкционированное использование интеллектуальной собственности; отмывание денег; и распространение торговли человеческими органами.

В главах этой книги, полных интересной, талантливо изложенной информации, оцениваются также масштабы незаконной деятельности. Однако несмотря на то, что масштабы этой деятельности, несомненно, весьма значительны, оценки такого рода зачастую являются не более чем догадками, и их следует воспринимать с изрядной долей скептицизма, особенно учитывая, что такого рода оценки часто проводятся учреждениями, которые могут завышать эти цифры, стараясь обосновать запрашиваемые бюджетные средства. В заключение я хотел бы отметить то, что уже давно волнует меня и является главной мыслью этой книги. Глобализация сделала большинство рынков, в том числе рынки незаконных товаров, глобальными. Однако правительства стран остаются национальными правительствами. Поэтому мечта католического философа Жака Маритэна о глобальном правительстве остается не более чем мечтой. Вместе с тем глобальные «общественные блага», а еще чаще глобальное «общественное зло», приобретают все большее значение, что наглядно показывает Наим. Можно утверждать (и я уже делал это раньше), что международные организации могли бы взять на себя роль несуществующего глобального правительства. Однако из этой книги мы узнаем также о том, что США, которые на данном историческом этапе являются страной-гегемоном, не проявляют особого энтузиазма относительно наделения этих организаций необходимыми полномочиями или придания соответствующего значения международным соглашениям. Было бы интересно, если бы в своей следующей книге или, может быть, в отредактированном издании этой книги, Наим рассказал нам о том, к чему мы можем прийти, если не изменится существующее отношение к этим проблемам и соответствующая тенденция. Две последние главы книги «*Illicit*» («Вне закона») интересны, но не дают достаточно исчерпывающего ответа на этот важный вопрос.

Вито Танзи,
консультант

Межамериканского банка развития

Увлечение политической риторикой

Joseph E. Stiglitz and Andrew Charlton

Fair Trade for All

How Trade Can Promote Development
Oxford University Press, Oxford, 2006, 304 pp.,
\$30 (hardcover).

СТИГЛИЦ и Чарлтон попытались ответить на отдельные набравшие вопросы, из-за которых демонстранты выходили на улицы Ситла и Канкуна и которые еще способны провалить раунд переговоров в рамках Всемирной торговой организации (ВТО), начатых в Дохе. Каким образом мировая торговая система может внести оптимальный вклад в развитие? Что такое «справедливая торговля»? К чему могут привести переговоры в рамках ВТО? К сожалению, эта книга не только не вносит ясности во все эти дискуссии, но делает их еще более запутанными.

Через всю книгу красной нитью проходят две основные идеи, на которых и основаны выводы авторов. В центре внимания — идея о том, что в результате асимметрии в соотношении сил между Севером и Югом сформировалась такая система международной торговли, в которой развивающиеся страны находятся в менее выгодном положении и даже становятся жертвами этой системы, причем практически во всех отношениях. Хотя промышленно развитые страны Севера пытались представить раунд переговоров, начатых в Дохе, как акт альтруизма, в действительности эти переговоры до сих пор были столь же своекорыстными, что и в прошлом. Для обеспечения «справедливости» необходимо вновь поставить во главу угла принцип взаимности и приложить усилия к расширению возможностей развивающихся стран. Авторы предлагают ВТО принимать обязательства, основываясь на результатах подробного и объективного анализа выгод и затрат с точки зрения развития и принимать во внимание специфику и конкретные потребности каждой из стран.

Несомненно, участвуя в международных переговорах, страны преследуют собственные интересы, и не нужно далеко ходить за примерами сомнительной и даже вредной торговой политики. Но такие примеры можно найти как в развивающихся, так и в развитых странах. Постоянно привлекая внимание к предполагаемому разрыву между Севером и Югом, авторы книги не замечают реальных проблем, предаваясь вместо этого политической риторике. Что же касается их практических предложений, здесь требуется определенная

доля идеализма, чтобы надеяться на то, что экономический анализ может устранить существующую асимметрию в соотношении сил, и тем более на то, что участники торговых переговоров внезапно испытают приступ морального очищения. Правила международной торговли не разрабатываются и не устанавливаются в централизованном порядке — о них договариваются.

Несостоятельность правительств?

Вторая основная идея книги заключается в том, что ни экономическая теория, ни эмпирические исследования пока еще не позволили понять, какие блага приносит открытая торговля, особенно блага, связанные с либерализацией (процессом, характеризующимся издержками корректировки). Учитывая эту неопределенность, а также неортодоксальные истории успехов, достигнутых странами Восточной Азии, и собственное неоднозначное прошлое промышленно развитых стран, авторы книги призывают к созданию «пространства для политики», в котором развивающиеся страны смогли бы экспериментировать с промышленной политикой. Те, кто пойдет на либерализацию, должны получать значительные объемы помощи в соответствии с «принципом компенсации».

Можно было бы ожидать большей интеллектуальной строгости в этой сложной дискуссии. При том что многое относится на счет неэффективности рыночных механизмов, неудачи правительств сходят им с рук довольно легко, учитывая опыт проведения промышленной политики. Авторы подчеркивают, что большинство благ торговли динамичны, но обходят стороной центральную роль конкуренции в этом контексте. Без особых объяснений торговля между промышленно развитыми и развивающимися странами считается негативной, в то время как соглашения о свободной торговле, заключенные между развивающимися странами (с Китаем о продукции обрабатывающей промышленности? С Бразилией о продовольственных товарах?), приветствуются. Кажется, что авторы сами не вполне сформировали свое мнение. Довольно непоследовательно, но после почти 200 страниц критики аргументов в пользу либерализации, авторы книги заявляют, что «чистый эффект снижения тарифов наибольшего благоприятствования можно в целом считать позитивным и значительным для большинства отраслей в большинстве стран». Разработчики политики в

развивающихся странах наверняка уже думают о том, что теперь делать.

Авторов можно простить за встречающиеся иногда упрощения, однако в этой книге они срезают углы слишком уж часто. Одним из наиболее очевидных недостатков книги является то, что она довольно неважно отредактирована. Различные разделы книги, написанные, вероятно, в разное время, скомпонованы наспех, и при этом логической последовательности не уделяется должного внимания. Хотя целью авторов было сообщение информации участникам переговоров до совещания ВТО на уровне министров в Гонконге, состоявшемся в конце 2005 года, огромное количество чернил и энергии потрачено на резкую критику той части повестки дня раунда переговоров, начатых в Дохе, которая посвящена политике в отношении конкуренции и инвестиций — именно то, от чего отказались еще в 2004 году!

Много говорится о том, как опасны для наименее развитых стран либерализация и дорогостоящие правила ВТО, хотя авторы, по-видимому, забывают о том, что в рамках раунда переговоров, начатых в Дохе, наименее развитые страны освобождены от таких обязательств. Разделы начинаются с многообещающих вариантов решения проблем, однако сами проблемы едва упоминаются. Один из разделов, посвященный конкуренции, озаглавлен «вопросы, которые не должны быть на повестке дня», однако в нем приводятся лишь аргументы относительно того, почему они должны быть включены в нее. Одна из исходных посылок книги — призыв к странам о снятии ограничений с импорта из всех стран с небольшим ВВП, как в расчете на душу населения, так и в абсолютном выражении, — приводится совершенно внезапно и вскоре остается забытой. В книге так много повторов, что это надоедает до тошноты: одни и те же примеры и целые отрывки постоянно повторяются, причем во многих случаях дословно.

В конечном итоге невозможно удержаться от вопроса: действительно ли авторы серьезно отнеслись к своей задаче, да и к своим читателям? Эта книга — политическое самолюбование при попытке заручиться крохами интеллектуальной поддержки.

*Ханс Питер Ланкес,
начальник Отдела торговой политики
Департамента разработки
и анализа политики МВФ*

Вышедшие из-под контроля международные бюрократы

Michael Barnett and Martha Finnemore

Rules for the World International Organizations in Global Politics

Cornell University Press, Ithaca, New York, 2004,
256 pp., \$17.95 (paperback).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ организации, некогда считавшиеся основой либерального мирового порядка, в настоящее время часто изображаются как некомпетентные, своекорыстные и погрязшие в скандалах структуры. Ученые-специалисты либо восхищаются ими как поборниками сотрудничества, либо не воспринимают их всерьез, считая их малозначительными действующими лицами в мире могущественных государств. Майкл Барнетт и Марта Финнемор оценивают международные организации иначе, считая их самонадеянными, потенциально вредными и становящимися все более могущественными. Поэтому они подчеркивают существование угроз, связанных с их организационной автономией и расширением, и предупреждают о том, что культура этих организаций может быть причиной «дисфункций» и «патологий».

Эта точка зрения обосновывается тремя конкретными примерами. Первый пример — общая история предьявляемых условий МВФ. Барнетт и Финнемор подчеркивают роль персонала МВФ в разработке экономических моделей, предусматривающих обусловленное кредитование и более навязчивый надзор за национальной экономической политикой. Они утверждают, что дисфункция выражается в настойчивой пропаганде целей (размывании функций) и нежелании рассматривать альтернативные подходы к решению проблем платежного баланса (такие как изменение экономической политики

стран, имеющих профицит, или надзор за «безответственным поведением глобальных рынков капитала»). В то же время авторы преуменьшают важнейшую роль правительства США как инициатора обусловленного кредитования и игнорируют влияние постоянно развивающейся профессии экономиста на образ мышления персонала МВФ. Вместо этого вся сложность процесса принятия решений МВФ превращается в рассказ о расширении власти бюрократов под предлогом компетентности в вопросах экономики.

Во втором примере рассказывается о том, как Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ) отказалось от переселения беженцев и предоставления им убежища в пользу политики их репатриации, связанной с риском нарушения прав беженцев. В замечательном и подробном описании, иллюстрирующем динамику бюрократического поведения, обращение УВКБ с беженцами, относящимися к бирманскому этническому меньшинству рохингья, в 1994 году представлено как результат «культуры репатриации», формирующейся в этой организации. Барнетт и Финнемор подробно документируют процесс изменения представлений о цели этой организации, связанный со сдвигами в структуре влияния внутри бюрократии УВКБ. Однако опять-таки роль государств-членов слишком быстро отодвигается на второй план, а в центр внимания ставится излюбленное объяснение авторов: бюрократическая культура. Эта культура сформировалась под воздействием жестких ограничений, установленных правительствами государств-членов, непреклонными в своем противодействии переселению беженцев и предоставлению им убежища.

Влияние правительств государств-членов в формировании рамок бюрократической культуры иллюстрируется также третьим, вызывающим наибольшее беспокойство примером — отношением ООН к геноциду в Руанде в 1994 году. Барнетт и Финнемор приписывают бюрократическую патологию Секретариату ООН и Департаменту по операциям по поддержанию мира (ДОПМ), которая выразилась в нежелании этой организации признать, что то, что происходило в Руанде, было спланированным геноцидом, а не гражданской войной, несмотря на вопиющие сообщения с мест. В этом трагическом бездействии со стороны международного сообщества четко проявилось жесткое опреде-

ление деятельности по поддержанию мира, принятое в штаб-квартире ООН. Однако этот возврат к более старому и узкому определению был результатом негативной реакции государств-членов на предыдущие случаи расширения полномочий миротворческих сил, особенно в Сомали. Быструю смену восторженного одобрения расширения этих полномочий непреклонным отказом от того же самого в Руанде трудно объяснить одной лишь бюрократической культурой.

Барнетт и Финнемор обоснованно призывают нас рассматривать международные организации как агентов, интересы которых определяются бюрократическими соображениями. Однако более спорные аргументы авторов относительно дисфункции и патологии основаны только на трех примерах. Даже если согласиться с обвинением в патологии, насколько показательны эти примеры? Представленная авторами картина глобальной политики, в которой все больше доминируют разрастающиеся международные бюрократические структуры, еще более спорна. Численность персонала МВФ составляет менее 3000 человек, УВКБ — 6500 человек, а ДОПМ — 4500 человек. Для сравнения, бюрократический аппарат города Финикс насчитывает 14 000 сотрудников, а штате Иллинойс — 160 000. В состязании бюрократических влияний эти организации вряд ли могут претендовать на победу.

Вместо того чтобы поднимать тревогу по поводу бюрократизации, эти три примера должны заставить нас задаться вопросом о том, почему эти организации не отреагировали более чутко на интересы тех, кто находится за пределами их организационных структур: бедных стран, беженцев и жертв геноцида. Ответ на этот вопрос, как считают авторы, может заключаться в самих международных организациях. Однако прочитав эту полемическую книгу, читатель может заподозрить, что ответы на этот вопрос следует искать в другом — в деятельности более влиятельных бюрократических организаций, правительств стран и частных корпораций.

*Майлз Калер,
профессор по фонду Рора факультета
международных отношений
в Тихоокеанском регионе,
Университет штата Калифорния,
Сан-Диего*